

Амбруаз (председатель суда). Очень рад видеть вас, г. Проспер, и потолковать с вами по душе. В тот вечер, когда вы спорили с этим пустомелей, Мишелем, я не хотел вмешиваться в разговор. Но, дорогой мой, что за ужасная у вас манера отстаивать свои убеждения! Можно было подумать, что вы-то и есть анархист.

Проспер. Вот как! Почему это?

Амбруаз. Потому что вы, главным образом, напирали на то, что современный социальный строй основан на силе. Говоря так, вы как бы соглашались с теми, кто, опираясь на силу же, хочет ниспровергнуть этот строй. Ну, а высшие принципы, которые управляют цивилизованными обществами: — право, нравственность, религия, — вы не считаетесь с ними?

Проспер. Ну, конечно, у вас всегда на первом плане высшие принципы, — профессия обязывает. Но ведь если завтра правительством будет узаконен коллективизм, вы с такою же легкостью будете сажать в тюрьму сторонников частной собственности, с какою теперь сажаете анархистов, — и все это во имя высших принципов, вечного незыблемого права. Мы только называем вещи различными именами: вы говорите — право; я говорю — сила. Но, в конце концов, решающее значение имеют наши молодцы — жандармы и прав будет всегда тот, кто будет иметь их на своей стороне.

Амбруаз. Ну полноте, г-н Проспер. Это замечательно, как вы любите прибегать к софизмам. Вы представить себе не можете, какое неприятное впечатление получается, когда видишь, что такой человек, как вы, — один из лучших людей, — и говорит заодно со злейшими врагами порядка. Поверьте, нам нужно оставить эту дурную привычку спорить и не соглашаться, особенно публично: нам нужно сплотиться, чтобы сообща защищать существующий строй, который начинает колебаться благодаря нарождающимся социальным движениям... нужно защищать свои интересы, которым начинает угрожать опасность.

Проспер. Да, нужно сплотиться, но если мы не примем энергичных мер, чтобы разом покончить с либеральным доктринерством, это ни к чему не приведет.

Амбруаз. Конечно, нужны суровые законы, решительные меры. Но одного этого недостаточно. Опираясь только на грубую силу, невозможно в наше время долго сдерживать в подчинения пробуждающийся народ. Против пропаганды нужно бороться пропагандой же: нужно постараться убедить народ, что на нашей стороне право.

Проспер. Трудно себе представить более пагубное заблуждение! Мой друг, во имя наших общих интересов, пожалуйста, избегайте пропаганды! Это — вещь очень опасная, даже в руках консерваторов, и ваша пропаганда окажет всегда услугу только социалистам,

анархистам и тому подобным людям. Подите, убедите голодного человека, что вполне справедливо, что он голодает, в особенности, если он же сам производит в изобилии те самые продукты, которых ему недостает. Пока его мысль не останавливается на этом, он благодарит Бога и хозяина за то, что дела еще не совсем плохи, и этого довольно. Но с того момента, как он начал размышлять о своем положении, все кончено: он делается непримиримым врагом.

Да, нужно всячески избегать пропаганды, оказывая давление на печать, не считаясь даже с тем, законно это или незаконно.

Амбруаз. Пожалуй, вы правы.

Проспер. Закрывать всякие союзы, разгонять собрания, ссылать всех, кто думает...

Цезарь (фабрикант). Потихе, потихе! не следует так горячиться... Вспомните, ведь правительства различных стран не раз поступали по вашему рецепту и... именно этим-то ускорили свое падение.

Амбруаз. Тише! Вот идет Мишель и анархист, которого я засадил в прошлом году на шесть месяцев в тюрьму за противоправительственное воззвание. Говоря между нами, воззвание, по своей форме, не было противозаконно; но в нем замечалось преступное намерение. Вы понимаете?! Общество должно же защищаться...

Мишель. Здравствуйте, господа. Рекомендую вам моего друга, анархиста, который охотно принимает вызов г.Проспера потолковать с ним на темы того вечера.

Проспер. Какой вызов?! Спорят так себе, в дружеском кругу, чтобы убить время. И так, вы хотите объяснить нам, что такое анархизм, которого мы никак не можем уяснить себе.

Георг (социалист-анархист). Я не профессор анархизма и не собираюсь читать курса, но сумею постоять за свои убеждения. (Обращаясь с насмешливым видом к Амбруазу, председателю суда). Что касается вас, милостивый государь, то вам этот предмет должен быть знаком даже ближе, чем мне; ведь стольких анархистов вы засадили в тюрьму! А так как вы порядочный человек, то, вероятно, прежде чем осуждать за какое-нибудь учение, вы основательно с ним знакомитесь.

Цезарь. Ну, личности оставим в покое. И так, мы хотели бы поближе познакомиться с анархизмом.

Со своей стороны я, видите ли, тоже признаю, что положение вещей плохо и что необходимо внести улучшения. Но только не нужно несбыточных мечтаний, и, в особенности, не нужно насилия. Само собой разумеется, правительство должно позаботиться о нуждах рабочих, доставить работу безработным, должно поощрять промышленность, поощрять торговлю, но...

Георг. Какое множество дел хотите вы взвалить на злосчастное правительство! Беда только, что не в его интересах стоять за рабочих, и это понятно.

Цезарь. Как это понятно? Действительно, правительство до сих пор не ввело почти никаких социальных реформ, но, в будущем, просвещенные и более способные министры могли бы многое сделать.

Георг. Нет, зло совсем не в министрах, а вообще, в правительстве, в каких бы то ни было правительствах, настоящих, прошедших и будущих. Всякое правительство зиждется на собственности и состоит из ее представителей; как же оно может действовать в интересах рабочих?

С другой стороны, даже если бы правительство захотело решить социальный вопрос, оно было бы не в силах это сделать, потому что решение этого вопроса зависит от общих причин, которые не могут быть уничтожены правительством, так как сами лежат в его основе и сообщают ему ту форму, в какой оно выражено.

Чтобы решить социальный вопрос, необходимо в корне изменить всю систему, в защите которой и состоит назначение государства.

Вы говорите, — дать работу безработным? Но что может сделать правительство, если работы нет? Не изобретать же никому ненужные работы?! и притом, кто же будет их оплачивать? Разве оно может принудить капиталистов производить то, в чем нуждается народ? Это было бы равносильно лишению владельцев их собственности, потому что правительство, чтобы дать рабочим необходимые продукты, должно было бы присвоить себе право распоряжаться землею и капиталом, принадлежащими владельцам. Это и была бы социальная революция, последние счета с прошедшим, и вы понимаете, что, пока сами обездоленные рабочие этого не сделают, правительство никогда, конечно, на это не пойдет.

Вы говорите, — поднять торговлю, промышленность! Но правительство может только поощрять один род промышленности в ущерб другому, поддерживать торговлю в одном месте в ущерб торговли в другом, и, в конце концов, эти лицеприятные и несправедливые поощрения ведут только к излишним расходам, не давая положительного результата.

Правительство, оказывающее покровительство равно всем, — это абсурд, так как правительство ничего не производит, а может только перемещать богатства, создаваемые другими.

Цезарь. Но... если правительство не хочет и не может ничего сделать, где же тогда выход из этого положения? Если вам удастся произвести революцию, вы же выберете тогда другое правительство? А так как, по вашим словам, все правительства стоят один другого, то значит после революции мы окажемся в том же положении, как и до нее?

Георг. Именно потому-то мы и не хотим вовсе правительства. Анархизм и есть учение об устройстве общества без правительства.

Цезарь. Ну, это невозможно. Как же тогда жить? Что станет тогда с законами и кто будет подчиняться им?

Георг. Я вижу, вы, решительно, не имеете никакого понятия о том, чего мы добиваемся. Но, чтобы не терять времени, вы позвольте, я изложу вам кратко, но последовательно нашу

программу. И потом уж вы представите свои возражения. Но теперь уже поздно. Отложим до другого раза.

Версия #1

XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX создал 4 июля 2025 12:37:16
XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXX обновил 4 июля 2025 12:37:34